

УДК 94(47).084

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКЕ ПОВОЛЖСКИХ МУСУЛЬМАН В 1920-е гг. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГОСУДАРСТВЕННО-ИСЛАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ю.Н. Гусева, кандидат исторических наук (Самара)

Современный исламский мир, неизбежно сталкиваясь с различными проявлениями глобализации, вынужден решать проблемы пересмотра общественного статуса женщины. Появившиеся в различных уголках земного шара женщины-имамы стимулируют модернизационные процессы внутри исламской богословской мысли. Обращаясь к историческому опыту поволжских татар-мусульман, следует признать, что сама проблематика отнюдь не является чем-то новым и неожиданным для интеллектуальной элиты тюрок данного региона. Споры по «женскому вопросу» в Волго-Уральском регионе велись как в дореволюционный, так и в постреволюционный периоды. Эти данные, в свою очередь, помогают исследовать потенциал реформизма «северного» поволжского ислама, а также специфику религиозных практик поволжских мусульман в 1920-е гг.

С другой стороны, важность изучения данного вопроса заключается в возможности охарактеризовать одну из сторон государственно-исламских отношений на первом, более «мягком» (по сравнению с последующими), этапе.

Обращаясь к историческим реалиям, мы можем констатировать, что дискуссия по «женскому вопросу» разворачивалась в рамках «северного» исламского анклава на рубеже XIX – XX вв. Тогда спор между модернистами (джадидами) и традиционалистами (кадимистами) в татаро-мусульманс-

кой среде Поволжья фактически перенес в дебаты о судьбе самого ислама в условиях резких интенсивных идейных изменений, начавшихся тогда во многих странах мусульманского мира (Египет, Османская Турция). В задачу автора не входит рассмотрение дореволюционных реалий, важно отметить, что джадиды и часть примкнувшего к ним духовенства поставили вопрос о пересмотре отношения к общественному статусу женщин, к ее образованию и воспитанию. При этом, по мнению специалистов, движение женщин за свои права было весьма ограниченным и концентрировалось прежде всего в крупных городских мусульманских общинах (Москва, Санкт-Петербург, Казань)¹.

При этом даже самые радикальные реформаторские слои российского мусульманства не поднимали вопрос о перемене сущностного отношения к женщине, которое заложено в Коране². Факты свидетельствуют, что любые попытки в начале века разрешить доступ женщинам в мечеть, наталкивались на самое яростное противодействие со стороны как части мусульманской элиты, так и рядовых членов общин³. Так, лишь в 1913 г. в столичной мечети Петербурга были организованы специальные входы для женщин на втором этаже⁴.

Итак, к началу событий 1917 г. поволжские религиозные лидеры и рядовое духовенство не были едины в вопросе о возможности участия женщин в религиозных практиках. Вопрос об

уравнении женщины в избирательных правах, правах наследования и по ряду других вопросов социальной жизни не был решен в однозначно модернизационном ключе⁵.

Эта тенденция в целом сохранилась и в последующий исторический период. При этом следует иметь в виду, что на позицию «обновленцев» и «традиционалистов» существенно повлияла политика Советского государства по «женскому вопросу».

Общеизвестно, что в 1920-е гг. между духовенством и властью развернулось «сражение» за влияние на женщину. Это было связано с тем, что советская Конституция уравнивала женщину в правах, наделила ее правом избирательного голоса. Теперь и она могла влиять на расклад политических сил в городе и деревне. В глазах государства женщина представляла собой полноценную рабочую силу, которую было необходимо привлечь к решению производственных задач (не в последнюю очередь это было связано с демографическим дисбалансом, сформировавшимся после Первой мировой и Гражданской войн).

Перевоспитанием и эмансипацией женщины можно было решить еще одну ключевую идеологическую проблему – проблему борьбы с религией. Для этого в пропагандистской литературе велась массированная атака на очернение ислама в духе: «Религия сотни лет держала ее в положении рабыни, на положении бездушной вещи, а не настоящего живого человека... Ислам не дает ей активно участвовать в укреплении советов, в обновлении и оздоровлении быта и вообще в строительстве социализма в нашей стране»⁶.

Фактически с теми же задачами, но полярного содержания: укреплением религиозных начал, втягиванием женщины в деятельность приходов, усилением позиции религиозных школ и домашнего воспитания в исламском духе – были связаны усилия, предпринимавшиеся частью духовенства, близкого к Центральному духовному управлению

в Уфе, или же просто разделявшего идеи «прогрессивных» мулл.

Положение о необходимости подготовки специальных проповедей (вагазов) для женщин и участия их в общих намазах содержалось в постановлении I Всероссийского съезда мусульманского духовенства: в пунктах 30 и 31 значилось, что приходские «муллы обязаны ежемесячно устраивать в мечетях своего прихода для верующих-женщин религиозную проповедь»⁷.

Положение об устройстве в мечетях отдельных помещений для женщин было зафиксировано в материалах II Всероссийского съезда мусульманского духовенства 1923 г. В декабре того же года в мухтасибаты была разослана инструкция, которая содержала рекомендацию о разрешении посещения мечети женщинами⁸. Важно отметить, что власть поддерживала инициативы ЦДУМ в вопросе раскрепощения женщин⁹.

На III Всероссийском съезде духовенства и верующих в 1926 г. большинством голосов был принят пункт о принятии мер «к подготовке проповедниц и исповедниц из женщин» (№15). При этом предложенное комиссией по разбору наказов положение о предоставлении женщинам права голоса (быть избранной и избираемой) на съезды духовенства (местные и центральный) делегатами уфимского съезда 1926 г. было отвергнуто¹⁰.

На заседании ЦДУМ 12 мая 1925 г. его решения были опубликованы в июльском номере журнала «Ислам», было зафиксировано, что «посещение женщинами мечети разрешено, а в современных условиях нашей страны желательно в том случае, если есть отдельные входы и комнаты для женщин. Если нет отдельного входа, то минимум один раз в месяц муллы должны произносить проповеди для женщин»¹¹.

В своем постановлении (от 13 августа 1926 г.) Духовное управление так формулировало задачу религиозного воспитания: женщина-мусуль-

манка должна «дать ребенку понятие о том, что на всем лице земли существует больше 350 миллионов мусульман и что он является вспомогательным членом этого исламского мира»¹².

Инструкция ЦДУ, датирующаяся 24 августа 1927 г., гласила: «Исламская религия дала женщине широкие права, она сделала большие облегчения и милости женщинам, нежели мужчинам». В ней же была вынесена повторная рекомендация о проведении бесед с женщинами на особых «назидательных меджлисах (собраниях) в мечетях в дни пятницы, каникул, в зимние дни»¹³.

В работе среди женщин были задействованы жены и дочери мулл, проводившие специальные собрания. При всей сложности финансового положения Духовного Управления оно собиралось выпускать брошюры по религиозному воспитанию семьи. В это же время увидели свет публикации, которые выражали позицию сторонников раскрепощения женщин¹⁴.

Вопрос также активно обсуждался на страницах журнала «Ислам». В одной из своих публикаций «Женщины в мире ислама»¹⁵ единственная в мире женщина-кази, Мухлиса Буби¹⁶, указывала, что в задачу современных женщин входит сохранение обрядов и адатов (обычаев) посредством соблюдения в семье религиозных праздников. Вторая задача, которая стоит перед верующими, – сохранение языка, который может помочь в удовлетворении религиозных и духовных потребностей. М.Буби подчеркивала, что кроме родного языка необходимо знать русский и иностранные языки, но не употреблять их без надобности или смешивать¹⁷.

В одной из инструкций середины 1920-х гг. в адрес подведомственных мухтасибов говорилось, что «каждый мулла должен провести беседы на вышеизложенные темы в течение года среди женщин своего прихода. Каждую неделю нужно собирать женщин в мечети для проповеди. Этот день

будет определен совместно с прихожанами. Мухтасибы должны руководить религиозным воспитанием в семье, разъезжать по приходам, давать разъяснения муллам, составлять отчеты о состоянии религиозного воспитания в конце года по каждому приходу отдельно и посылать их в ЦДУ»¹⁸.

Следует отметить, что посыл Духовного Управления был поддержан в ряде областей. Некоторые муллы стали проводить в мечетях женские собрания, на которых проводили с ними беседы религиозного характера, агитировали за посещение мечети. Так, мулла в д. Амерханово (Самарская губерния) давал наставление татаркам, чтобы они купили чаршау (занавеску для отделения женщин от мужчин) и ходили пять раз в мечеть¹⁹.

Подобные факты были наиболее распространены в Татарии и Крыму, где до 1917 г. джадидское движение имело большое количество сторонников. Так, в Татарии велась активная работа по привлечению женщин: для них читались специальные проповеди, выступали против женотделов, привлекали в мечети. По инициативе мурлы 12-го прихода г.Казани Г.Якупова в 1926 г. в махалле был создан особый мутавалялиат из женщин с задачами: организации всех мусульманок в подобные советы, религиозное просвещение женщин и уравнивание в правах с мужчинами в вопросе посещения мечети, богослужения. Членами его являлись жены известных казанских торговцев²⁰.

В 1927–1928 гг. очевидной для наблюдателей также стала тенденция привлечения женщин в качестве учителей в легальные и нелегальные религиозные школы. В мае 1928 г. Нижегородский отдел ОГПУ докладывал в центр о выявлении восьми случаев преподавания вероучения женщинами у себя на дому, за что последние привлекались к ответственности²¹. При этом утверждалось, что инициатива подобных действий также принадлежала Духовному Управлению.

Однако общая настроенность части мусульманского духовенства (в особенности сельского) и прихожан, противившихся нововведениям, может быть подтверждена массой примеров. Приведем один: в д. Новой Усмановой Бугурусланского уезда Самарской губернии на собрании перед выборами татары заявляли, что «если Советская власть будет требовать женщин на собрания, то мы пойдем против власти», и то же сделаем, если не дадут религиозную свободу²². Архивные данные свидетельствуют, что татарки-мусульманки сельских районов Поволжья медленнее, чем русские, чувашские и мордовские женщины, втягивались в «дело социалистического строительства». Численность женщин-активисток, активных производственниц была весьма низкой, что партийные и советские работники объясняли это их «культурной отсталостью» и повышенной религиозностью²³.

Итак, важнейшее место, по мнению лидеров поволжского ислама, отводилось поддержанию религиозности среди женщин. По нашему мнению, послабления в отношении женщин (допуск в мечеть, привлечение к обучению детей и пр.) являлись как результатом инициативы части мулл, так и определенной активности ЦДУ.

В числе причин, по которым это происходило, аналитики справедливо указывали то, что в этот период из всех возможных «очагов» влияния (мечеть, религиозная школа, семья) первые два находились в гонимом положении. «Вопрос воспитания подрастающего поколения – вопрос жизни и смерти для духовенства. Сферой влияния для него остается семья, где женщина – почти все. Женщина-мать как проводник религиозного влияния на своих детей незаменимое орудие для духовенства. Отсюда – колоссальное значение женской работы в общей схеме мероприятий и деятельности мусульманского духовенства, его т.н. прогрессивного крыла»²⁴.

Модернизационные тенденции четко отслеживались соответствующими органами и квалифицировались как «антисоветские». Исчерпывающе освещают эту тему аналитические справки работников Восточного отдела ОГПУ. Например, в отчете 1927 г. отмечалось, что «особую активность духовенство ряда районов проявило в отчетный период по женскому вопросу. Тут мы имеем две линии поведения в общей массе духовенства. В то время как в Средней Азии, на Северном Кавказе мы наблюдаем отчаянную борьбу консервативного, реакционного духовенства, шейхов – против раскрепощения женщин. В остальных районах мы имеем, наоборот, стремление духовенства «раскрепостить» женщину, но сделать это под своей эгидой, всячески оберегая ее от воздействия с нашей стороны. Если первое движение опасно для нас своим фанатизмом, косностью и не дает нам возможность приблизить мусульманскую женщину к общественной жизни, то второе движение не менее опасно для нас тем, что тут происходит приобщение только не к нашей советской общественности, а к общественности национально-религиозной...»²⁵.

Итак, к концу изучаемого периода государство выявило и обозначило активизацию религиозного движения мусульманского духовенства. Одним из элементов активизации стал частичный пересмотр места женщины в религиозных практиках. Анализ «женской» политики Духовного управления в данный период свидетельствует о том, что оно по разным причинам стало проводником модернизированных начал. Задача поддержания религиозной традиции любыми возможными путями толкала часть духовенства, находившегося под юрисдикцией и разделявшего позицию ЦДУМ, к указанным выше мерам.

Важно отметить, что, судя по конкретным материалам, характеризующим культовую практику средневожских мусульман, в данный

период модернизационные процессы ограниченно затрагивали их религиозную жизнь²⁶. Они имели сравнительно незначительную область применения и были в большей степени результатом внешнего влияния (в том числе деятельности ЦДУМ), а не результатом внутренней эволюции. Это дает нам основание говорить об известной традиционности и неоднородности тюрко-мусульманского сообщества Среднего Поволжья.

Заметные позднейшие социальные трансформации, выразившиеся в повышении роли женщин, нередко имели внешнюю природу: являлись «ответом»

на «вызовы» государственной политики эмансипации и «размусульманивания», были результатом влияния совокупности социально-экономических, демографических и исторических обстоятельств (в первую очередь, войн).

При этом, как свидетельствуют проанализированные выше документы, с точки зрения тогдашнего государственного интереса, «окраска» религиозного движения (модернизм, традиционализм) не имела значения, так как ислам, как и любая другая религия в стране, будь он в консервативной или измененной форме, должен был быть со временем уничтожен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например, *Балтанова Р.Г.* Мусульманка: история и современность. – Казань: Кокпиткомпьютер, 2007; *Фаизов С.Ф.* Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Нижний Новгород: НИМ «Махинур», 2005; *Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь // Коллект.автор; сост. и отв. ред. Д.В.Мухетдинов.* – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. – С.160–161 и др.

² По справедливому замечанию Р.Г.Балтановой, «концепция сакрального отношения к женщине, дифференциация ролей и прав мусульманки не ставилась под сомнение никем. Изменения касались реформирования отдельных сторон жизни, критики патриархальных сторон жизни и современных наслоений» (Мусульманка...С.213).

³ *Загидуллин И.К.* Ук. соч. С.50.

⁴ *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2007. – С.21.

⁵ Подробнее о дебатах по «женскому вопросу» в 1917 г. см.: *Фаизов С.Ф.* Ук. соч.

⁶ *Ибрагимов Г.* Как вести антирелигиозную пропаганду среди татарок и башкирок. – М., Л.: Госуд. изд-во, 1928.

⁷ Центральный архив ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.735.Л. 4.

⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.662. Л.14.

⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.661.

¹⁰ Ислам и советское государство. Вып.1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.)/ вступ.ст., сост. и коммент. *Д.Ю.Арапова и Г.Г.Косача.* – М.: Изд.дом Марджани, 2010. – С.102, 104.

¹¹ Цит.по:Там же. Л.39.

¹² Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.1. Оп.1. Д.2479. Л.9.

¹³ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2479.

¹⁴ В частности, в конце 1920-х гг. в журнале «Наука и религия» («Фэн хем дин») было опубликовано «Письмо» муллы Ф.Нугмана с 15 тезисами, в числе которых были такие: ислам не противоречит коммунизму, советское государство являет собой воплощение учения Корана, революционные преобразования даны Аллахом, а мужчины и женщины равны и являются «товарищами на всю жизнь» (*Ишмухаметов З.А.* Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (исторические очерки). – Казань: Тат.кн.изд-во, 1979. – С.196).

¹⁵ Статья была опубликована в журнале «Ислам» (№1 за 1924 г.), издававшемся ЦДУ.

¹⁶ Буби (Нигматуллина) Мухлиса (1869–1937) – религиозный, общественный деятель, педагог. Одна из основателей первой женской татарской гимназии – женской

школы в д.Иж-Бобья. С 1917 года – кази Духовного Управления мусульман Внутренней России и Сибири. Необоснованно репрессирована (Татарский энциклопедический словарь/ Гл. ред. *М.Х.Хасанов*. – Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – С.91).

¹⁷ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2479. Л.10.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.6. Д.459. ЛЛ.117–118.

¹⁹ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.438; Подобные факты приводят в своем исследовании *Климович Л.И.* Курбан-байрам: Праздник жертвоприношения и паломничество мусульман в Мекку. М.: ОГИЗ, 1933; *Мухаметзянов А., Минуллин И.* Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е гг.). Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. С.59; см. также документальные публикации Д.Ю.Арапова: Ислам и советское государство. Вып.1... С. 47, 48.

²⁰ Ислам и советское государство. Вып.1... С.47–48; см. также: *Минуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920–1930-е гг. – Казань: Изд-во Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – 220с.

²¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.6. Д.459. Л.32, 33; Там же. Оп.5. Д.328.ЛЛ.1–4.

²² СОГАСПИ. Ф.Р3209. Оп. 1. Д.7. Л.29.

²³ Там же. Ф.655. Оп.5. Д.559. Л.36.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.5. Д.327.ЛЛ.6–7.

²⁵ Там же.

²⁶ См., например, следующие исследования: *Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.* История исламских общин Нижегородской области. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998; *Гусева Ю.Н.* Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007; *ее же.* История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003; *Булатов И.Ф.* Урга. Прошлое и настоящее. Сергач: «Туган Як», 2000; *Галимов Ш.Х.* История села Ново-Урайкино: Годы, события, люди. Самара: ЗАО «Типография «Сокол-Т», 2006 и др.

Аннотация

Статья посвящена попыткам религиозной элиты ЦДУМ организовать жизнь верующих посредством привлечения женщин в культовую и образовательную сферу. Приводится материал о разногласиях между различными группами религиозных деятелей и государством по «женскому вопросу».

Ключевые слова: мусульманка, женский вопрос, государственно-исламские отношения, Центральное духовное управление мусульман в 1920-е гг.

Summary

The article is devoted to the attempts of the religious elite CDUM to organize the lives of believers by means of the involvement of women in worship and education. The paper contains the materials on disagreements between the various groups of religious leaders and government in the «woman question».

Keywords: Muslim, women's question, public-Islamic Relations, Central Spiritual Directorate of Muslims in 1920s.